

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Первое вступление в поэму

Уважаемые
товарищи потомки!
Роясь
в сегодняшнем
окаменевшем г...,
наших дней изучая потемки,

вы,
возможно,
спросите и обо мне.
И, возможно, скажет
ваш ученый,
кроя эрудицией
вопросов рой,
что жил-де такой
певец кипяченой
и ярый враг воды сырой.
Профессор,
снимите очки-велосипед!
Я сам расскажу
о времени
и о себе.
Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.
Засадил садик мило,
дочка,
дача,
водь
и гладь —
сама садик я садила,
сама будут поливать.
Кто стихами льет из лейки,
кто кропит,
набравши в рот —
кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки —
кто их к черту разберет!

Нет на прорву карантина —
мандолинят из-под стен:
«Тара-тина, тара-тина,
т-эн-н...»
Неважная честь,
 чтоб из этаких роз
мои изваяния высились
по скверам,
 где харкает туберкулез,
где б... с хулиганом
 да сифилис.
И мне
 агитпроп
 в зубах навяз,
и мне бы
 строчить
 романсы на вас —
доходней оно
 и прелестней.
Но я
 себя смирил,
 становясь
на горло
 собственной песне.
Слушайте,
 товарищи потомки,
агитатора,
 горлана-главаря.
Заглуша
 поэзии потоки,
я шагну
 через лирические томики,
как живой
 с живыми говоря.
Я к вам приду
 в коммунистическое далеко

не так,
 как песенно-есененный провитязь.
Мой стих дойдет
 через хребты веков
и через головы
 поэтов и правительств.
Мой стих дойдет,
 но он дойдет не так, —
не как стрела
 в амурно-лировой охоте,
не как доходит
 к нумизмату стершийся пятак
и не как свет умерших звезд доходит.
Мой стих
 трудом
 громаду лет прорвет
и явится
 весомо,
 грубо,
 зримо,
как в наши дни
 вошел водопровод,
сработанный
 еще рабами Рима.
В курганах книг,
 похоронивших стих,
железки строк случайно обнаруживая,
вы
 с уважением
 ощупывайте их,
как старое,
 но грозное оружие.
Я
 ухо
 словом
 не привык ласкать;

ушку девическому
 в завиточках волоска
с полупохабщины
 не разалеться тронуту.
Парадом развернув
 моих страниц войска,
я прохожу
 по строчечному фронту.
Стихи стоят
 свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
 и к бессмертной славе.
Поэмы замерли,
 к жерлу прижав жерло
нацеленных
 зияющих заглавий.
Оружия
 любимейшего
 род,
готовая
 рвануться в гике,
застыла
 кавалерия острот,
поднявши рифм
 отточенные пики.
И все
 поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
 пролетали,
до самого
 последнего листка
я отдаю тебе,
 планеты пролетарий.
Рабочего
 громады класса враг —
он враг и мой,
 отъявленный и давний.

Велели нам
идти
под красный флаг
года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,
как в доме
собственном
мы открываем ставни,
но и без чтения
мы разбирались в том,
в каком идти,
в каком сражаться стане.
Мы
диалектику
учили не по Гегелю.
Бряцанием боев
она врывалась в стих,
когда
под пулями
от нас буржуи бегали,
как мы
когда-то бегали от них.
Пускай
за гениями
безутешною вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянные
на штурмах мерли наши!
Мне наплевать
на бронзы многопудье,

мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди, —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

Потомки,
словарей проверьте поплавки:
из Леты
выплывут
остатки слов таких,
как «проституция»,
«туберкулез»,
«блокада».

Для вас,
которые
здоровы и ловки,
поэт
вылизывал
чахоткины плевки
шершавым языком плаката.

С хвостом годов
я становлюсь подобием
чудовищ
ископаемо-хвостатых.

Товарищ жизнь,
давай
быстрей протопаем,
протопаем
по пятилетке
дней остаток.

Мне
и рубля
не накопили строчки,
краснодеревщики
не слали мебель на дом.
И кроме
свежевымытой сорочки,
скажу по совести,
мне ничего не надо.
Явившись
в Це Ка Ка
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

[Декабрь 1929 — январь 1930]

Источник: Стихотворения и поэмы / В.В. Маяковский. — М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000. — С. 152—159.